

Современный Город Воинской славы Полярный; основан в 1899 году под названием Александровск как главная база вновь создаваемой Флотилии Ледовитого океана: вид на западную оконечность Екатерининской гавани и острова Екатерининский. На переднем плане — здание, в котором в Великую Отечественную войну располагался главный штаб Северного флота СССР.

© А. Ямаш из комплекта открыток «Полярный — колыбель Северного флота».

— Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга!

— Держи краба! — Хозяин вытянул вперед руку с растопыренными пальцами, будто готовясь взять мяч.

Вадим хорошо знал это морское приветствие, сделал точно так же, и две руки ухватились друг за друга, не сильно впившись ногтями в запястья.

— Молодец! Где служил?

— Видяево.

— Офицер?

— Нет, три года срочной службы на флоте. Главстаршина.

— Морской волк?

— Увы, практически всю службу в штабе просидел. Стыдно признаться.

— А чего стыдиться? На берегу тоже кому-то надо. Я вон тоже вскоре после войны на берег был списан. В отставку ушел из КЭЧ. Знаешь, что это такое?

— Кто же не знает? Квартирно-эксплуатационная часть. Вроде нашего домоуправления.

— Ну, да, ну, да. Вроде домоуправа и служил.

— Извините, мне говорили, что Вы — капитан первого ранга.

— Считай, что я домоуправ с погонами. А что мы стоим? Проходи к столу, присаживайся. Уж коли приехал, так, наверное, дела есть? Поговору явно нездешний.

— Из Ленинграда.

— Вот-вот, знакомый говор. Я ведь в молодости мореходку в Ленинграде заканчивал, а потом и академию. А Вы, молодой человек, чем занимаетесь?

— Учусь в университете, на журфаке. Здесь на практике.

— Ага! Значит, приехал заметку обо мне написать?

— Хотелось бы очерк.

— А что, более интересных кандидатур не нашлось?

— Мне сказали, судьба у Вас очень интересная, — сознался Вадим.

— Судьба, брат, у каждого интересная. Зависит, как на нее посмотреть.

— Говорят, судьба Вас сильно потрепала...

— А кого она не трепала? Ты мне покажи такого человека, который войну пережил, хоть на фронте, хоть в тылу, да чтобы его судьба не трепала. Всем с лихвой досталось. Вот и я не был исключением. Только вспоминать о том тошно! Думаешь, легко старые раны бередить, в душе ковыряться? А вашему брату что? Заскочил на полчаса, биографию расспросил и бегом заметку строчить. Да отсебятины столько напридумываете, что людям в глаза стыдно смотреть.

— Я не спешу, — извиняющимся тоном сказал Вадим. — Меня только в конце дня машина на обратном пути подберет.

— Тогда другое дело. Тогда раздевайся, будем чаевничать. Правда, говорят, чай — не вино, много не выпьешь.

— А у меня есть, — засуетился Вадим и начал доставать из сумки купленную специально для этой поездки бутылку «Столичной».

— Да спрячь ты свое барахло, — махнул рукой хозяин. — Я казенную редко употребляю. У меня — свое. В сто раз получше магазинного. Там же отравы, сивуха одна, а у меня собственная система очистки. Сейчас попробуешь, за уши не оттащить.

— Я вообще-то к спиртному не очень, — поспешил упредить Вадим.

— А кто очень? Я что ли очень? Но если повод хороший, то почему по стопочке-другой не принять? Например, за знакомство. Не часто тут у меня ленинградские гости бывают.

— Да я не в гости. Я по работе.

— Ты, молодой человек, у меня в доме, значит — гость. А по какой надобности — не суть важно. Извини, разносолов ленинградских у меня нет, но чем закусить, найдем.

— Да Вы не беспокойтесь...

— И не беспокойство то вовсе. Закон гостеприимства.

Хозяин вышел в сени, вернулся с какими-то мисками в руках, начал доставать из них квашеную капусту, соленые огурцы, копченое мясо. Разложил все это по тарелкам, поставил рядом с ними стопки, из шкафа достал бутылку с какой-то желтого цвета жидкостью.

— Вот, настойка собственного приготовления. С чесноком. А хочешь, принесу на морошке, только от нее наутро голова болит. А все равно люблю морошку. Это еще с войны. Почему-то в войну ее столько было! Никогда позднее так много не видывал.

Ненцы говорят, что это самая главная ягода на Севере. Ну, давай за знакомство. Как тебя по имени-отчеству?

— Вадим. Вадим Раевский.

— Ишь, фамилия-то какая — знатного рода. Оттуда идет? — хозяин большим пальцев показал за спину.

— Оттуда, — заулыбался Вадим.

— Ну, а я крестьянского рода. Из этих мест родом. Безруков Алексей Васильевич.

— Очень приятно!

— Ты эти интеллигентские замашки пока оставь, давай по-простому. Ну, за знакомство!

— Вадим пригубил, пробуя напиток на вкус.

— Не понравилось с чесноком? Могу дать на клюкве, на бруснике, на ягодах можжевельника. Могу — с перцем.

— Нет-нет, я просто пробую.

— Знаешь, был такой старый анекдот. Едут в купе поезда Москва — Киев негр и хохол. Негр достает какие-то диковинные заморские фрукты и начинает есть. Хохол долго смотрит, потом робко спрашивает: «Извините, что это такое, можно попробовать?». Негр ему дает одну штуку, хохол съел, достает из чемодана шмат сала, кладет на стол, кусок отрезал и начинает есть. Негр говорит: «Извините, а что это такое? Можно мне тоже попробовать?» — «Та шо его пробовать? — отвечает жадный хохол. — Сало як сало». Вот и здесь, что ее пробовать? Самогонка как самогонка, только на разных ягодах настояна.

Вадим допил содержимое стопки, закусил кусочком копченого мяса.

— Алексей Васильевич, Вы говорили, что морошка Вас от смерти спасла. Как это?

— Ранило меня. Я тогда в штрафной роте служил. Как говорили, должен был или погибнуть, или вину кровью искупить. Теперь, наверное, мало кто и знает, что немцев с финнами на Кольском полуострове в некоторых местах ведь так и не пустили границу пересечь. Отстояли наши рубежи. Но бои на протяжении всей войны до сорок четвертого были жесточайшие. Наши, мало того, что оборону держали, частенько в тыл десант забрасывали, чтобы врага в постоянном напряжении держать, чтобы он вынужден был с линии фронта силы оттягивать на оборону своих баз. Ты же знаешь, как на Кольском полуострове, так и дальше туда — сплошь заливчики разной величины. Ну, у нас это называется губа, у них фьорды. В этих фьордах военные корабли да подводные лодки на боевом дежурстве прятались, а как идет конвой с грузом по ленд-лизу, они неожиданно и нападали. Вот наша морская пехота на торпедных катерах да морских охотниках рейды в тыл и совершала. Если корабль или лодку уничтожить не удастся, так хоть в фьорде этом запереть, не дать возможности выйти.

— Я где-то читал об этом. В том числе «Реквием каравану PQ-17» Пикуля.

— Верно. Но он про караван писал, а про морскую пехоту мало что рассказано. А жаль, героические были ребята. Одна операция на мысе Пикшуев чего стоит! Легендой стала. Там враг такой сильный оборонительный узел из трех укрепленных пунктов, подготовленных для длительной круговой обороны, создал, что ни с какой стороны не подступишься. Все из камня и бетона. А уничтожить этот узел надо было во что бы то ни стало. Долго операцию готовили, несколько сотен морпехов задействовали, на девяти судах с Рыбачьего десант забросили, с двух сторон в половине пятого утра подошли и атаковали, а к восьми утра все два десятка сооружений уже были взорваны. Наши потери — шестьдесят человек убитыми и ранеными.

— Вы тоже там были?

— Я был капитаном одного из трех морских охотников. Знаешь, что это за корабль?

— Кажется, видел в музее.

— Кажется, видел... Эх, вы, молодежь! Историю надо знать! А как же? Те, кто на больших кораблях, к нам с некоторым превосходством относились, я бы даже сказал, с таким пренебрежением. Эй, кричали, на мошке, далеко от берега не уходи, в море унесет! Корабль маленький, юркий, скоростной. Мы ставили глубинные бомбы против подводных лодок, на нас охотились самолеты, но и мы тоже были вооружены зенитками, поэтому бывало, что мы эти самолеты сбивали. На счету некоторых кораблей было по несколько сбитых самолетов. Для высадки десанта тоже нас да торпедные катера использовали. Скорость большая, под прикрытием берега могли близко подойти. Нас нередко вместе и использовали. Торпедные катера могли спрятавшиеся в шхерах корабли потопить, а мы на выходе глубинные бомбы поставить, чтобы подводные лодки там запереть. Вот за одну такую операцию я и получил орден Красной звезды, который потом профукал.

— Как это?

— А вот так! Дурак был! Ухарь! Вот и профукал.

— Потеряли?

— Можно и так сказать. Лишили.

— А разве наград лишают?

— Лишают, молодой человек, лишают. Правительственным указом, так же, как и награждают.

— Извините, а за что Вас лишили?

— Не люблю я это вспоминать! Говорю же, дурак был. Давай еще по чуть-чуть.

Алексей Васильевич наполнил рюмки, чокнулись, выпили. После долгого молчания хозяин заговорил:

— За что спрашиваешь? А вот за это самое,— и он кивнул на бутылку.— Откомандировали меня в Полярный новый корабль получать, а старый в капитальный ремонт поставить. И встретил я там своего старого друга. Он тоже прибыл новый торпедный катер получать. Выпили за встречу, а вечером концерт. Наши оба экипажа на него попали. И так мне одна певица из хора глянулась, просто смотрю на нее, и сердце щемит... Вот именно тогда я и поверил, что бывает она — любовь с первого взгляда. После концерта экипажи свои отвели на корабли, снова с ним встретились. Хорошо так посидели, поговорили, еще добавили. Я все его подбиваю, мол, давай узнаем, где артистов разместили, да в гости сходим. Тушенки возьмем, спиртику, их ведь, наверняка, хуже нас, моряков, кормят. Но война, комендантский час, куда там ночью погрешься? Патрули везде. Назавтра узнали, что артисты обратно в Мурманск уехали, а нам команды возвращаться все нет, и нет. После обеда опять выпили, а он в шутку и говорит, мол, давай, в Мурманск к артисткам этим смотаемся на торпедном катере. Что там, каких-то тридцать километров! Всего и делов-то. Сначала посмеялись, а мысль в голове засела. Когда еще спиртику добавили, к этой теме и вернулись. Он своим команду подает, и вперед!

— Нашли своих артисток? — перебил Вадим?

— Да какой там! Нас перехватили, едва отчалить успели. Обоих под трибунал. Разжаловали, наград лишили, поскольку в положении об ордене Красной звезды сказано, что награжденный должен служить примером не только храбрости, самоотверженности, мужества, но и образцово нести военную службу. А мы какой образец показали? В военное время без приказа, можно сказать, с передовой в тыл боевой корабль угнать пытались. Хорошо, что не к расстрелу приговорили, обоих в штрафбат, вину кровью искупать.

— Сурово!

— Сурово, конечно, но иначе нельзя было. Дай слабину, такое начнется. И отправили нас обоих матросами. Сережку в первом же бою и убило. Я ту смерть так себе до конца жизни не прощу, потому что я ведь, если по сути, его на эту авантюру

подбил. Но казни себя не казни, а человека с того света не вернешь. Я тоже ранен был. Тяжело. Выброска у нас тогда неудачной была, катера немцы потопили, нас в тундру отогнали, там из самолетов добивали. Кое-кому удалось вырваться, а на остальных похоронки домой отправили. На меня тоже. А я вот выжил. В обе ноги ранило, крови много потерял, идти не мог, а ползком далеко ли уползешь? Вот морошка и спасла. Да хорошо, что ненец один теми местами стадо свое перегонял подальше от стрельбы, на меня его собаки наткнулись. Подобрал, олешка молодого забил, меня кровью свежей напоил, выходил, потом к нашим вывез. После госпиталя в морскую пехоту перевели. Там в первом же десанте на подходе к берегу нам очень сильный отпор дали, под такой обстрел попали, что словами не высказать. Многие еще на борту погибли, командира «мошки» тоже убило, я на себя командование взял, высадились, и хоть мало нас осталось, навели врагу шороху. За ту операцию мне лейтенанта дали. Так снова офицером стал, опять на корабль перевели. Потом еще одна похоронка была. Также в сильный переплет при десантировании попали. Выход для лодок заминировали, а при отходе нас затопили. Берегом к своим две недели выбирались. По сопкам хаживал?

— Бывало. Однажды хотели с двумя друзьями Баренцево море посмотреть. Двенадцать часов шли, полярный день, солнце круглые сутки светит. Идем-идем, вот, думаем, за этой сопкой точно море видно будет, а там другая сопка, потом еще одна. Так до моря и не дошли, поняли, что надо обратно возвращаться, а то хватятся нас, накажут за самоволку. Почти сутки бродили, вымотались, еле до казармы доплелись. Ноги потом целую неделю болели.

— Вот-вот! Мы по этим сопкам точно так же выходили. Только была не середина лета, а глубокая осень. Снегом впадины забило, как только ноги не переломали, до сих пор диву даюсь. И как нас в черных бушлатах с самолетов не заметили, когда в короткие сумеречные дни они неподалеку пролетали?

— А как вы через линию фронта?

— А тут нам просто повезло. Услышали бой, продвинулись в ту сторону и ударили врагу с тыла. Нас хоть и мало было, но нападение с тыла панику посеяло. Так с нашими соединились, и вместе с ними обратно вернулись.

— За этот бой Вы очередной орден получили?

— За операцию. Этот бой был так. Попутный. Вообще, должен сказать, мне всю войну везло. И ранения еще были, и ситуации разные, а всегда живой оставался. Будто заговоренный.

— В приметы верите?

— Да как тебе сказать? Вот в бога не верю, а в приметы разные верю. Жизнь поверить заставила, потому что столько раз какая-то неведомая сила, интуиция, что ли, выручала, что нельзя не верить. Верующие, наверное, бы сказали, что ангелы-хранители берегли. Ведь две похоронки родные получили, а я оба раза жив остался.

— Скажите, а с девушкой той, с артисткой, так больше и не виделись?

— А как же! Я ее после войны отыскал. Вот представь, каково было искать, когда ни имени, ни фамилии не знаешь! А нашел. Оказалось, замужем она уже тогда была. Муж — офицер. Так ведь отбил я ее!

И Алексей Васильевич расхохотался. Просмеявшись, он наполнил стопки:

— Давай помянем. Замечательная была женщина! А уж любил я ее до самой смерти. Поверишь ли, больше ни на одну женщину даже не поглядел. Знал, что другой такой во всем мире больше нет.

— А дети Ваши где?

— Не получилось у нас с детьми. И в первом браке у нее детей не было, и со мной не получилось. Собственно, с первым мужем она и жила всего ничего. Перед самой войной поженились, а как война началась, Мурманск, ты знаешь, очень сильно

бомбили. Немцы с финнами ой как рвались, чтобы порт и железную дорогу захватить. А коли так не получалось, то они бомбежки страшные устраивали. Однажды во время налета осколком и мою, ну, тогда еще не мою, Анфису и ранило в живот. Операцию сделали, все зажило, а что-то, видно, повредило, раз с детьми не получалось. Думали, конечно, что может не по климату ей там, она до того, как в ансамбль попасть, в Любани, в Белоруссии жила. Но и на родину в отпуск ездила, и на курорты, не помогало. А когда я в отставку вышел, мы здесь дом купили. Я тут неподалеку родился, и родные мои все тут похоронены, а я уже без воды не могу. Но в моей родной деревне речка маленькая, а тут вон какое озеро. Утром встанешь, в окно глянешь, будто море перед тобой раскинулось. Я как этот дом окнами на озеро увидел, так сам себе и сказал, все накопления отдам, но не отступлюсь — выкуплю.

— Дорого получилось?

— Совсем пустяки. Старушка тут одна жила, к сыну в город увезли с внуками нянчиться, за бесценок продали. Все одно, говорят, так сгниет никому не нужным. Анфисе моей то ли не по климату тут пришлось, то ли что другое, но она быстро таять стала. За два года и растаяла. И никакие лекарства не помогли, ни бабки разные с их травами и заговорами. С моими родителями рядом и похоронил. Теперь вот один небо копчу.

— Вам, я думаю, просто так копить не дают. Праздник Победы близится, в школы, наверное, приглашают перед детьми выступить.

— Да приглашают, конечно! А что я им про войну-то скажу?

— Да у Вас вон какая биография богатая! Орденов несколько, ранения, похоронки. Про тот первый орден опять же.

— Что просрал его? Да кому это кроме меня интересно?

— Хотя бы в качестве примера, чем иногда элементарная глупость оборачивается.

— Да разве кто на чужих ошибках учится? Каждому свои шишки набить надо, вот тогда он поймет. А чужие они и есть чужие.

— Да, но у Вас и о подвигах примеров много. О чужих, о своих.

— Вот скажи ты мне, молодой человек, как про войну рассказать, чтобы там подвиг был виден. Там кровь, смерть, там жуть. А подвиги? Может, со стороны это подвигом кажется, а там зачастую у человека просто выбора нет. Или погибнуть трусом, или сломя голову вперед под пули в надежде, что твоя мимо пролетит, и ты на этот раз жив останешься. То же и на корабле. Там не о подвигах думаешь, а что сделать, чтобы снаряд или бомба мимо пролетела. Это вон в кино да в книгах все красиво получается. Герой долго думает, куда шагнуть, что для смелости крикнуть, как в рукопашной действовать. А в жизни у тебя на раздумья доли секунды нет, исключительно на автоматизме что-то делаешь, бьешь сам, уворачиваешься от удара врага, стреляешь, если патроны еще не кончились. Читаю я иногда в газетах воспоминания участников войны, стыдно за них становится. Такого напридумывают то ли сами, то ли ваш брат, корреспонденты, что диву даешься, какие немцы дураки были, и какие мы умные да отважные. Есть, конечно, краснобаи, складно рассказывать умеют. Но, мне кажется, не пережитое собой они рассказывают, а вычитанное из книг да газет, где все намного складнее да красивее подано, чем это на войне было на самом деле. Вот этого бахвальства я и боюсь. Раз придумал, второй, а потом понесет так, что и сам в выдумки поверишь, а еще через какое-то время и правду от выдумки отличать перестанешь. Ладно, давай эту тему оставим, лучше еще по чуть-чуть. У меня от этих разговоров даже давление поднялось. Давай, для расширения сосудов.